

Глава 6

ПОД ЗНАКОМ НАПОЛЕОНА

1933–1941

1

1933–1935 гг. были для Е. В. Тарле периодом своеобразной «полуреабилитации». Он вернулся в Ленинград и был восстановлен в должности профессора Ленинградского историко-лингвистического института, в который были выделены тогда гуманитарные факультеты университета¹. С осени 1934 г., после известного постановления о восстановлении преподавания истории в университетах, Тарле стал также профессором исторического факультета Ленинградского университета, читал лекции и в других учебных заведениях, но положение его оставалось довольно неустойчивым. Деканом истфака в 1934–1935 гг. был злейший гонитель Тарле Г. С. Зайдель, вынужденный, однако, зачислить его на свою кафедру по указанию свыше². С января 1933 г. в течение года Е. В. Тарле состоял также профессором-консультантом Эрмитажа по Отделу западноевропейского искусства³.

¹ Приказ о зачислении был подписан директором института С. С. Горловским 10 января 1933 г. на основании направления Наркомпроса от 26 ноября 1932 г. (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 234. Л. 6). Вскоре институт был переименован в Ленинградский институт истории, философии и лингвистики (ЛИФЛИ). Еще 28 ноября 1932 г. Тарле сообщал жене из Москвы: «Приказ о моем назначении штатным профессором 1) по истории Запада 2) по истории колониальной политики и 3) колониальных народов уже подписан, и мне на руки дана “командировка в качестве штатного профессора” в Ленинград» (Архив РАН. Ф. 627. Оп. 4. Д. 154. Л. 86 об).

² См. заявление Тарле: «Желая работать на Истфаке, прошу предоставить мне это. Е. Тарле. 1 сентября 1934» с резолюцией: «По согласовании с зав. каф. Зайделем Г. С. зачислить с 1/IX 34» (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 234. Л. 8).

³ Архив ГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 835. Л. 1, 3. Результатом деятельности Тарле в Эрмитаже стала его неопубликованная статья «Французская карикатура времени Великой революции в коллекциях Гос. Эрмитажа (1789–1792 гг.)» (Архив ГЭ. Ф. 40. Оп. 1. Д. 378. 18 л.) — своего рода комментарий историка к массовой

Реабилитирован по «Академическому делу» Тарле не был и в звании и правах академика его не восстановили. С другой стороны, ему, вероятно, приходилось нередко сталкиваться с реакцией, выраженной в письме С. А. Жебелева к Д. М. Петрушевскому от 18 января 1933 г.: «Метаморфоза с Тарле меня нисколько не удивляет: он хороший жонглер. Но какую цену метаморфоза куплена? Вероятно, недешево, и это наводит на размышления»⁴.

Количество публикаций Е. В. Тарле за эти годы непривычно мало по сравнению с обычной его продуктивностью: в 1934 г. он напечатал одну (правда, большую) статью, в 1933 и 1935 гг. — несколько мелких заметок и рецензий на французском языке.

Все это время Е. В. Тарле настойчиво добивался своего восстановления в Академии наук, о чем свидетельствует, в частности, его письмо к А. К. Джигелеву от 22 сентября 1933 г.:

Дорогой Алексей Карпович,
В. П. Волгин 25-го сентября будет говорить специально с т. Енукидзе: он мне это сейчас сообщил. *A bon entendeur salut*⁵. Жду от Вашей дружбы, что сделаете все зависящее. Сердечный привет. Е. Тарле.⁶

К письму приложена следующая записка рукой Тарле:

К проф. Е. В. Тарле вторично (и с большой настойчивостью) обратилась Колумбийская Академия политических наук в Нью-Йорке с просьбой ускорить присылку статей 1) о достижениях СССР в области народного образования и 2) о руководящих принципах в области внешней политики СССР. Эта Академия, как известно, наиболее авторитетная из американских организаций, агитирующих за наше признание Соединенными Штатами. С другой стороны, о статьях

художественно-политической продукции эпохи. У Тарле были очень хорошие отношения с И. А. Орбели, который еще раньше, по-видимому, помогал Ольге Григорьевне, вернувшейся из Алма-Аты, в решении бытовых проблем (Архив РАН. Ф. 627. Оп. 4. Д. 154. Л. 83). 29 ноября 1932 г. Тарле писал жене из Москвы: «Хочу, чтобы Орбели у нас пил чай. Умный, дельный и хороший человек, столп Эрмитажа. И ученый очень почтенный» (Там же. Л. 112).

⁴ Архив РАН. Ф. 493. Оп. 3. Д. 78. Л. 11.

⁵ Имеющий уши да слышит (*франц.*).

⁶ РГАЛИ. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 239. Л. 15.

подобного же рода просит очень влиятельная сейчас во Франции радикально-социалистическая газета «L'Oeuvre», агитирующая за дальнейшее сближение Франции с СССР.

И в том, и в другом обращении к Е. В. Тарле подчеркивается, что его имя пользуется настолько доверием и почетом, что в данном случае с трудом может быть заменено другим лицом. Но вполне сознавая (как и все знающие об этих предложениях органы советской власти), что отозваться необходимо и полезно, — Е. В. Тарле не может выступить в иностранной прессе, пока он не восстановлен до сих пор в своем прежнем ученом звании, которого абсолютно неза-служенно был в начале 1931 г. лишен.

Ясно, что пока это не случилось, любой враждебный СССР публицист будет иметь благодарное оружие для подрыва всякой авторитетности этих выступлений.

Одновременно следует отметить и другое обстоятельство.

Парижский университет (Сорбонна) в связи с последними учеными трудами Е. В. Тарле, вышедшими на французском и русском языках, собирается в не очень далеком будущем почтить его званием почетного доктора истории (до сих пор честь докторского звания Сорбонны из всех советских ученых имел лишь И. П. Павлов). Ясно, что эта лестная и для науки советской манифестация получит весь свой общественный смысл только в том случае, если Академия Наук СССР возьмет обратно принятую ею в феврале 1931 г. несправедливую и потерявшую теперь окончательно всякий смысл меру.

В настоящее время Е. В. Тарле состоит профессором нескольких вузов, ему поручаются ответственные курсы, он работает в политической советской прессе, принимает участие в работах Гос. Ученого Совета, — наконец, те самые органы, которые некогда привлекли его к делу, определенно заявляют, что никаких обвинений против него не поддерживают, — а несправедливость по отношению к нему, сделанная Академией, продолжает существовать как ни в чем не бывало!

О решительно вредных (политически и морально) последствиях такого положения вещей сказано выше.⁷

⁷ РГАЛИ. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 239. Л. 13–14.

Аналогичного содержания записку Тарле направил в 1934 г. секретарю Сталина А. Н. Поскребышеву⁸. Еще раньше он, вероятно, по этому вопросу обращался и к А. В. Луначарскому⁹.

Однако все старания до поры до времени оставались безрезультатными (кстати, «те самые органы» отнюдь не снимали обвинений, выдвинутых против Тарле). Летом 1935 г. Тарле обратился с письмом к председателю Совнаркома В. М. Молотову, в котором просил разрешить ему поездку в Париж для чтения лекций в Сорбонне¹⁰. Получив отрицательное заключение наркома просвещения Бубнова, которому он направил письмо историка, Молотов наложил резолюцию: «За отклонение поездки Тарле»¹¹. Опросом членов Политбюро от 10 сентября 1935 г. было решено: «Отклонить поездку проф. Тарле в Париж для чтения лекций»¹². Ни в одну западную страну Е. В. Тарле не попал уже до конца жизни.

О том, как воспринимал он эту ситуацию, свидетельствует следующий эпизод. Отвечая на вопрос о личном знакомстве с Тарле Франко Вентури, сын последнего профессор Антонелло Вентури сообщил мне: «Мой отец действительно был знаком

⁸ См.: Есаков В. Д. Три письма Е. В. Тарле вождям (1934–1938 гг.) // Отечественная история. 1999. № 6. С. 108.

⁹ 17 мая 1933 г. Тарле писал бывшему наркому, который в это время являлся председателем Ученого комитета при ВЦИК и действительным членом АН СССР: «Пользуюсь случаем, чтобы еще раз Вас поблагодарить. И Ромен Роллан, и ректор Сорбонны С. Шарлети с самого начала этого злополучного недоразумения утверждали, что именно Вы посодействуете его ликвидации, к полной выгоде для советской науки (слова Шарлети, большого друга СССР)» (цит. по: Российские ученые — А. В. Луначарскому / публ. Н. С. Антоновой и Н. В. Дроздовой // Вестник РАН. 1994. № 3. С. 263). Публикаторы этого письма считают, что именно Луначарский «вызвали из ссылки акад. Е. В. Тарле» (с. 253). Как нам кажется, это предположение неосновательно (в начале 1930-х гг. Луначарский не имел уже почти никакого влияния в партийно-правительственных кругах), и в письме имеется в виду, скорее всего, восстановление Тарле в Академии наук.

¹⁰ 26 июня 1935 г. Н. О. Щупак писала из Парижа Е. В. Тарле: «Факультетские дела совсем устроены, комитет историков единогласно постановил прислать приглашение. Я пока даже боюсь мечтать о таком счастье» (Архив РАН. Ф. 627. Оп. 4. Д. 140. Л. 60).

¹¹ Есаков В. Д. Три письма Е. В. Тарле вождям... С. 108–109.

¹² РГАСПИ (б. РЦХИДНИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 971. Л. 27.

с Тарле — они познакомились в 1936 г., когда отец впервые приезжал в Россию, в поисках книг из библиотеки Дидро... Он рассказывал, что Тарле усадил его перед собой и сказал: “Молодой человек, говорите на том языке, на каком хотите, но расскажите мне обо всем, что произошло в мире за последние 10 лет”¹³.

В 1935 — начале 1936 гг. Е. В. Тарле был, однако, привлечен к рецензированию учебника по новой истории для средней школы, подготовленного авторским коллективом в составе Н. М. Лукина, Г. С. Фридлянда, В. М. Далина и А. В. Ефимова. Сохранились три его подробные рецензии на обе части учебника¹⁴. Свои замечания Тарле формулировал довольно остро и не без иронии. «Главный недостаток — сухость изложения», — констатировал он, отмечая также в конце: «Бросается в глаза подавляющее обилие цитат, которые в некоторых уроках тянутся почти непрерывно страницами и страницами. Это очень вредит живости изложения. <...> Ведь эти цитаты читатель еще много раз встретит в разных книгах, по разным поводам, да и прочтет их в связном тексте у основоположников марксизма-ленинизма»¹⁵. Тарле указал также немало фактических неточностей и ошибок упрощенческого характера: «С 1714 г. Англией правили короли-иностранцы, приглашенные вигами из Ганновера. Они не понимали по-английски и т. д.» <...> Только 1-й Георг не понимал по-английски, а остальные трое — и все, кто за ними был, — отлично понимали»¹⁶. «Вашингтон был главою спекулянтов и рабовладельцев”. — Неточно, он был землемером-межовщиком, а помещиком стал, лишь получив по наследству имение»¹⁷. «Три крупнейших банка, в том числе “Лионский кредит” опутали Францию и т. д.” — Не три, а семь так наз. “великих банков”»¹⁸. «Сам Гамбетта был одним из крупнейших акционеров “Франко-Египетского банка”. — Это неправильно: он не имел и не оставил никакого имущества, кроме

¹³ Письмо А. Вентури автору от 24 февраля 2011 г. (на франц. яз.).

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 377. Л. 2–20, 25–54; Архив РАН. Ф. 359. Оп. 2. Д. 312. Л. 1–15.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 377. Л. 2, 25.

¹⁶ Там же. Л. 5.

¹⁷ Архив РАН. Ф. 359. Оп. 2. Д. 312. Л. 2.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 377. Л. 31.

загородной дачи в четыре комнаты»¹⁹. «“Весь этот правящий персонал джентльменов заботливо выращивался в дорогих университетах Кембриджа и Оксфорда, где процветала не столько наука, сколько ‘благородные’ виды спорта”. — Во-первых, это неверно: Оксфорд и Кембридж дали очень много замечательных ученых, как естественников, астрономов и математиков, так и филологов, историков, археологов, ориенталистов. Во-вторых, сейчас у нас в СССР усиленно насаждаются именно те виды спорта, которые процветали в Кембридже и Оксфорде: футбол, верховая езда, гоночные состязания, воздухоплавание, гимнастика во всех видах и т. п.»²⁰.

Небезынтересны и ответы авторов учебника на замечания Тарле. Ответы Далина и Ефимова, да и Лукина, выдержаны в довольно корректном тоне²¹. Лукин, правда, настаивал, что цитаты из «классиков» нужны и что Францией управляли именно три банка, так как об этом пишет Ленин. Очень резкой и агрессивной была реакция Фридлянда. «Категорически протестую против произвольного утверждения Тарле о Вашингтоне. Вашингтон был спекулянтом и рабовладельцем, если даже в прошлом он и был землемером»; «Смелость или, скажем проще, наглость Тарле очевидна из этого замечания»; «Придется прибегнуть к помощи милицейского», — такими оборотами пестрит его ответ²². «А вообще говоря, Тарле остается Тарле. Не пора ли публично сорвать маски с этих господ, облекающих себя в тогу специалистов...?» — заключал Фридлянд²³.

¹⁹ Там же. Л. 32.

²⁰ Там же. Л. 35.

²¹ Там же. Л. 55–66.

²² Архив РАН. Ф. 359. Оп. 2. Д. 312. Л. 21, 26, 28.

²³ Там же. Л. 30. В свете приведенных материалов представляются не очень надежными воспоминания писательницы Галины Серебряковой о том, что Тарле и Фридлянд дружески встречались в 1935–1936 гг. в доме ее и ее мужа Г. Я. Сокольников (Серебрякова Г. И. Историки // Из литературного наследия акад. Е. В. Тарле. М., 1981. С. 297). Если какие-то встречи в «салоне Серебряковой» и имели место, то они носили светский и мало искренний (с обеих сторон) характер. Думается, что и положительные отзывы Тарле о работах Фридлянда этого времени были продиктованы отчасти «дипломатическими» соображениями. И уж совсем фантастически звучит утверждение Л. В. Максаковой, называющей Фридлянда «любимым учеником Е. В. Тарле»

Учебник, рецензировавший Тарле, не увидел света, так как в 1936–1938 гг. трое из четырех его авторов — Г. С. Фридлянд, В. М. Далин и Н. М. Лукин — были арестованы.

По-видимому, первым изданием, где начал печататься Е. В. Тарле после возвращения из ссылки, был французский журнал «Revue Historique», опубликовавший в 1933–1934 гг. две его рецензии на новейшие советские публикации — на «Материалы для биографии М. А. Бакунина», подготовленные В. П. Полонским, и на сборник документов «Царская дипломатия и Парижская коммуна 1871 г.»²⁴. Вслед за тем Тарле начал печатать московский еженедельник на французском языке «Journal de Moscou», выходивший с 1934 по май 1939 г. и являвшийся фактически органом литвиновского Наркомата иностранных дел²⁵. Этот журнал представлял курс на сближение СССР с западными демократиями перед лицом угрозы нацистской Германии и должен был демонстрировать гуманистический характер советской власти, чем и объяснялся в какой-то степени подбор сотрудников²⁶. Поскольку протесты против ареста и высылки

(Историк и время: А. М. Панкратова. С. 160). Можно вспомнить, как в начале 1980-х гг. В. М. Далин на одном из юбилейных заседаний в Институте всеобщей истории говорил, что «Г. С. Фридлянд отличался некоторым маратизмом в отношении старой интеллигенции или, как он выражался, фахманов».

²⁴ Tarle E. Rev.: Материалы для биографии М. А. Бакунина / подг. к печ. Вяч. Полонский. М.; Л., 1933 // *Revue Historique*. 1933. Т. 172. № 3. Р. 533–534; *Idem*. Царская дипломатия и Парижская коммуна 1871 г. М.; Л., 1934 // *Ibid*. 1934. Т. 174. № 3. Р. 606–607. В библиографиях печатных работ Тарле эти публикации не указаны.

²⁵ См.: Дюллен С. Сталин и его дипломаты: Советский Союз и Европа. 1930–1939 гг. М., 2009. С. 167–168.

²⁶ Редактором «*Journal de Moscou*» был (до своего ареста в августе 1935 г.) вернувшийся из эмиграции сменовеховец С. С. Лукьянов, в первом номере были напечатаны приветствия Э. Эррио, посла Франции в Москве Ш. Альфана и художника А. Матисса. В одном из первых номеров (1934. № 4) была помещена статья «Бюджет СССР на 1934 г.» бывшего члена ЦК кадетской партии проф. С. А. Котляревского, имя которого давно уже не появлялось в советской печати. По вопросам искусства и литературы регулярно публиковались статьи А. М. Эфроса и Л. П. Гроссмана, считавшихся «буржуазными эстетам». Многие статьи печатались под псевдонимами, раскрыть которые было бы небезынтересно. Вообще, роль этого еженедельника, закрытого сразу после отставки Литвинова, заслуживала бы специального изучения.

Тарле исходили прежде всего из Франции, то, по-видимому, решено было показать французской общественности, что с ним «все в порядке».

В 1934–1935 гг. в «*Journal de Moscou*» были опубликованы небольшая статья Тарле «Высшее образование и историческая наука в СССР» и три его рецензии на советские работы по истории Франции — на книги «Дени Дидро» И. Луппола, «Жан-Поль Марат и гражданская война XVIII в.» Г. Фридлянда и «Сен-Симон» С. Вольского²⁷. Все они были подписаны «Eugène Tarlé, professeur à l'Université de Leningrad» («Евгений Тарле, профессор Ленинградского университета»). Первая статья, сдержанная по тону и не называющая никаких имен, была посвящена открытию исторических факультетов в Московском и Ленинградском университетах, которое автор, разумеется, приветствовал. Небезынтересно также, что рецензия на книгу Фридлянда, в целом очень положительная, не лишена критических ноток, а в отзыве на книгу о Сен-Симоне Тарле замечал, что ее автор, С. Вольский, говоря о крестьянстве, «игнорирует два новых классических труда, которые исключительно важны, а именно книги Лефевра и Марка Блока». Книга М. Блока «Основные черты французской аграрной истории» вышла в 1931 г., и можно только поражаться осведомленности Тарле в новейшей французской литературе, зная, где он находился в начале 1930-х гг.

В психологическом плане интересна рецензия на «Материалы для биографии М. А. Бакунина»²⁸. В ней обращают на себя внимание строки о знаменитой «Исповеди» Бакунина, написанной в Петропавловской крепости, «униженное содержание которой породило различные толкования»: «Вся жизнь, вся деятельность Бакунина доказали, что дело касается лишь минут-

²⁷ Tarlé E. L'enseignement supérieur et la science historique en URSS // *Journal de Moscou*. 1934. № 10. P. 4; *Idem*. «Denis Diderot» par I. K. Louppol // *Ibid*. 1934. № 26. P. 4; *Idem*. «Jean-Paul Marat et la guerre civile au XVIII-e siècle» // *Ibid*. 1934. № 29. P. 4; *Idem*. Un nouveau livre sur Saint-Simon // *Ibid*. 1935. № 15 (50). P. 4. В библиографиях печатных работ Тарле эти публикации не учтены.

²⁸ Цит. далее по русскому оригиналу, сохранившемуся в фонде В. П. Полонского: РГАЛИ. Ф. 1328. Оп. 4. Д. 72. Л. 139–141.

ной слабости (беря самое худшее). Полонский пытается видеть в этом плохо рассчитанный тактический маневр», — утверждал Тарле²⁹. Трудно отрешиться от мысли, что он мог написать эти слова, не думая о себе и своей собственной судьбе. Что должен был чувствовать он, читая слова Полонского о Бакуanine: «Автор “Исповеди” и “всепопданнейшего” прошения Александру II обмолвился неосторожной фразой: “В моей прошлой жизни нет поступка, за который мне пришлось бы краснеть”. Люди из III Отделения решили показать всему миру, что это не так. Обстоятельство, нам еще неизвестное, спасло Бакунина от моральной смерти»³⁰?

На русском языке в 1931–1933 гг. не было опубликовано ни одной работы Тарле.

Первой и фактически единственной серьезной публикацией Е. В. Тарле за три года были «Мемуары» Талейрана, вышедшие в издательстве «Academia» под его редакцией и с обширной вступительной статьей³¹. Статья эта³² стала первоначальным вариантом его известной книги о Талейране, вышедшей через несколько лет, и будет рассмотрена ниже. В фонде издательства «Academia» имеются документы, свидетельствующие еще об одном аналогичном замысле Тарле, который, однако, не был осуществлен. В 1934 г. Е. В. Тарле заключил с «Academia» договор об издании под его редакцией и со вступительной статьей «Памятных записей рассказов Наполеона на острове Св. Елены» Лас-Каза (знаменитого «Мемориала Св. Елены») ³³. Перевод был поручен переводчицам мемуаров Талейрана сестрам С. А. и Л. А. Фейгиным и своевременно ими выполнен, но издание так и не состоялось.

²⁹ РГАЛИ. Ф. 1328. Оп. 4. Д. 72. Л. 139.

³⁰ Материалы для биографии М. А. Бакунина / подг. к печ. Вяч. Полонский. М.; Л., 1933. Т. 2. С. 617.

³¹ Талейран. Мемуары. Старый режим. Великая революция. Империя. Реставрация / пер. и примеч. С. и Л. Фейгиных; ред. и статья Е. Тарле. М.; Л., 1934. 750 с.

³² Там же. С. 15–127.

³³ См.: РГАЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 98. Л. 1–50. Подробнее см.: Каганович Б. С. Е. В. Тарле: новые разыскания // Русская наука в биографических очерках. СПб., 2003. С. 295–298.

Подготовленная Е. В. Тарле в 1934 г. для Соцэкгиза книга «Очерки колониальной политики западноевропейских государств (конец XV — начало XIX в.)» увидела свет через 30 лет благодаря усилиям М. К. Гринвальд, хранившей у себя рукопись и в 1960-х гг. подготовившей ее к печати³⁴. Книга эта основана на курсе лекций, которые Тарле читал в Ленинградском университете, Педагогическом институте им. Герцена и Восточном институте³⁵.

В рамки истории колониальной политики автор вместил Великие географические открытия и завоевания Кортеса и Писарро, Нидерландскую революцию и борьбу Англии с Испанией в XVI в., английскую колонизацию Северной Америки и историю работорговли, закат Голландии и возвышение Англии с середины XVII в., французские колониальные захваты при Ришелье и Людовике XIV и Американскую войну за независимость, покорение англичанами Индии в XVIII в. и борьбу Наполеона с Англией. В значительной мере это история международных отношений XVI–XVIII вв., рассмотренная под углом зрения колониальной политики. Основным достоинством книги является яркое живое изложение, не отягощенное доктринерской схоластикой.

³⁴ Тарле Е. В. Очерки колониальной политики западноевропейских государств (конец XV — начало XIX в.) / сост. М. К. Гринвальд; отв. ред. В. И. Рутенбург. М.; Л., 1965. 428 с. Сообщая жене о своих переговорах с Соцэкгизом, Тарле писал из Москвы 3 февраля 1938 г.: «Они просят найти 2 экз. первых 4 глав “Колониальной политики” (ими же, болванами, потерянных несколько лет тому назад). Они хотят подписывать новый договор на нее (на машинке переписано, давно уже с глаз долой, еще в 1934–35 гг.)» (Архив РАН. Ф. 627. Оп. 4. Д. 156. Л. 6).

³⁵ Одно из немногих свидетельств об этом курсе содержится в записке, переданной Л. Н. Гумилеву на одной из его публичных лекций 1960-х гг. историком Р. И. Козинцевой (1906–1985): «Л. Н.! Помните лекции Е. В. Тарле по колониальной политике для аспирантов истфака в 1934/35 г.? Хотя Вы были студентом, Борис Модестович разрешил Вам посещать эти лекции. Очень хорошо помню, как Вы скромно сажались в уголок, а мы с аспирантского величия поглядывали на розовощекого студентика. Тому 34 года... Р. Козинцева». Благодарю М. Г. Козыреву за возможность ознакомиться с этой запиской. Упомянутый в ней Борис Модестович — Б. М. Боровский, зам. декана исторического факультета ЛГУ в середине 1930-х гг.

В эти же годы «полуреабилитации» была написана статья Е. В. Тарле «Донесения Якова Толстого из Парижа в III отделение», опубликованная в 1937 г.³⁶ Героем ее является Я. Н. Толстой (1791–1867), в молодости приятель Пушкина и член «Союза Благоденствия», оставшийся за границей после 14 декабря и ставший в 1836 г. литературным агентом русского правительства в Париже и секретным сотрудником русской политической полиции. Он защищал в западной прессе «Россию», т. е. внутреннюю и внешнюю политику Николая I, а также на протяжении тридцати лет посылал регулярно донесения шефу жандармов. В статье Тарле приводятся и комментируются обширные выдержки из донесений Толстого 1830-х — начала 1850-х гг., посвященные французской политической жизни того времени. При этом автор выражает сожаление, что материалы «не дают ключа к психологическому пониманию того момента, когда этот человек превратился в соглядатая III отделения»³⁷.

К середине 1930-х гг. относится окончательное оформление книги Е. В. Тарле «Жерминаль и прериаль», которая увидела свет в 1937 г.³⁸ Материалы для этой работы Тарле собирал в Париже в 1928–1929 гг. 28 июля 1929 г. он писал А. К. Дживелегову: «Сижу над “Жерминаль и прериалем” для Госиздата»³⁹. Первоначальный вариант книги очевидно был написан еще до ареста⁴⁰, экземпляр текста хранился у Н. О. Щупак, которая в конце 1932 г. переслала его автору.

Работа посвящена «последним массовым выступлениям плебейских предместий Парижа в эпоху Французской революции» в 1795 г. и содержит детальное описание и анализ этих событий. Положение голодающих предместий и деятельность военных судов после подавления прериальского выступления воссозданы Тарле по архивным документам, хранящимся в Парижской Национальной библиотеке и Национальном архиве.

³⁶ Тарле Е. В. Донесения Якова Толстого из Парижа в III отделение. Июльская монархия. Вторая республика. Начало Второй империи // Литературное наследство. Т. 31–32. М., 1937. С. 563–662.

³⁷ Там же С. 563.

³⁸ Тарле Е. В. Жерминаль и прериаль. М., 1937. 276 с.

³⁹ РГАЛИ. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 239. Л. 2.

⁴⁰ Ср.: Отчет АН СССР за 1929 г. Л., 1930. С. 59.